

Демография

©1999 г.

А.И. РОМАНЮК

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РАЗВИТЫХ ОБЩЕСТВ: МЕЖДУ ДЕТЕРМИНИЗМОМ И СВОБОДОЙ ВЫБОРА

РОМАНЮК Анатолий Иванович - Президент Демографической Ассоциации Канады, доктор философии, профессор Университета Альберта (Канада).

Нынешняя социально-демографическая ситуация развитых стран приобретает новые черты, отличающиеся от предшествующих. В то время как продолжительность жизни теперь приближается к своему биологическому пределу, о чем раньше не смели и думать, репродуктивная функция общества снизилась до точки, не обеспечивающей воспроизводства населения. Практически во всех развитых странах коэффициент рождаемости упал ниже порога простого замещения поколений, и низкая рождаемость является уже хронической для них. Это сопровождается глубокими изменениями, касающимися семьи: миграцией юг-север и растущим этнокультурным плюрализмом.

В связи с этим говорят о "втором демографическом переходе". Это понятие кажется мне мало пригодным для характеристики происходящего, поскольку сегодня нет прерывания эволюции, как в случае демографического перехода от равновесия высокой рождаемости и смертности к их дисбалансу. Наступил, скорее, новый и, возможно, финальный этап демографического перехода, который я предпочитаю называть "демографической зрелостью".

Речь идет о настоящей социальной трансформации, о состоянии, которое не может оставить безразличным. Оно вызывает часто противоположные чувства: одни ему радуются, другие бьют тревогу. Для кого-то в замедлении демографического роста - небесное благословение, конец "перенаселенности" и "экологической деградации". Напротив, те, кого беспокоят современные явления, видят в них признаки упадка цивилизации, культурного распада общества, потерю единства и национальной идентичности из-за массового непрерывного вливания чуждых элементов, которые ассимилируются и интегрируются с большим трудом. Даже не заходя далеко в своих апокалиптических предсказаниях, они все же говорят о маргинализации Запада, теряющего многое в геополитическом плане по мере того, как экономический и демографический вес перемещается в другие части мира (Индия, Китай).

Среди тех, кто таким образом воспринимает историю, одни призывают к социальным и институциональным реформам, способным обратить вспять демографические тенденции, другие относятся к негативным тенденциям фаталистически, опускают руки, говоря, что ничего нельзя сделать. Самые большие оптимисты ссылаются на мудрость природы, которая сама все урегулирует. Но есть и те, кто ищет возможность как-то приспособиться к ходу истории, на который нельзя, как они считают, повлиять. Я привожу здесь некоторые из мрачных и оптимистических сценариев, безусловно,

---

Сокращенный перевод с французского к.э.н. Н.М. Калмыковой. Научный редактор перевода проф. А.И. Антонов.

возможных, но вряд ли неизбежных, для того, чтобы подчеркнуть позиции. Цель данной статьи - очертить рамки предметных размышлений о политике населения в контексте трех интеллектуальных перспектив демографической динамики, прежде всего, динамики ключевой переменной - рождаемости. Первая перспектива, именуемая эволюционистской, постулирует наступление демографической "зрелости" в качестве итога социальной эволюции, на которую невозможно повлиять. Самое большое, на что можно рассчитывать, - это приспособиться путем социальной и институциональной трансформации к режиму стагнации и демографического старения. Вторая перспектива возникла под влиянием либеральной философии. Ее основная идея заключается в авторегуляции (саморавновесии) социального процесса без вмешательства государства. Это доктрина "laissez faire". Наконец, третья перспектива представляет собой ориентированную на действия социальную программу, целью которой является утверждение общественного выбора в интересах социума. Если две первые перспективы можно назвать "детерминистскими", последняя будет "волеизъявительной", направленной на выбор действий.

Эволюционистская перспектива

Понять эволюционистскую перспективу означает понять силы, которые продолжают поддерживать столетний спад рождаемости. Рационализм, утилитаризм и индивидуализм в контексте научно-технической революции дали человеку растущую власть над природой, в том числе над своим собственным воспроизводством, глубоко изменив психологию и институциональные рамки рождения потомства. Наступление эпохи потребления и феминизации занятости привели к новой экономической системе, радикально отличающейся от семейной экономики домопроизводства.

Обвал рождаемости, начавшийся в 1960 г., связан с развитием общества потребления. Достаточно представить невиданный выбор товаров, услуг и удовольствий, который был предложен даже не очень состоятельному потребителю на основе эффективной системы кредитов и хорошо организованной рекламной кампании. Вслед за Дж. Гелбрайтом можно сказать, что чем больше потребностей мы удовлетворяем, тем больше новых потребностей появляется¹. Разгорается соревнование между производством благ, с одной стороны, и созданием потребностей, с другой. Такова адская спираль, в которую непреодолимо вовлечены люди различного достатка.

Стремление ко все более высокому уровню жизни стало характерно для нашей культуры. Усилия государственной власти в этом направлении имели следствием расширение женской занятости и перераспределение ресурсов в пользу потребительского образа жизни в ущерб формированию семьи. Долги по кредитам "подталкивают" все большее число матерей к необходимости работать вне семьи, что ведет к пересмотру планов относительно рождения детей. Как ни парадоксально, государство только усиливает этот процесс. Под давлением реальных (или искусственно созданных) потребностей населения происходит эскалация социальных услуг, которую страна может вынести лишь за счет растущего бюджетного дефицита и/или все более тяжелого налогообложения. Налоговое бремя является фактором относительного обеднения молодежи, достигающей возраста формирования семьи, той причиной, которая заставляет молодых людей принести в жертву создание полноценного семейного очага.

С другой стороны, воздействие государства имеет своим результатом ослабление репродуктивной функции общества. Тот факт, что забота о пожилых перешла в значительной мере от семьи к обществу, привел к тому, что уменьшился экономический интерес родителей к обзаведению детьми. По мере того, как "социальное родство" заменяет "семейное родство" и уменьшает родительский контроль, дети теряют свое значение источника психологического удовлетворения для родителей. Со своей стороны, дети также чувствуют уменьшение значения психологических связей. Те же самые факторы, которые у взрослых ведут к желанию иметь все меньше детей,

провоцируют последних на безразличие к семейной идентичности и преемственности, ослабляя стремление стать самим родителями. Все это происходит на фоне снижения в общественном мнении ценности материнства как высшего призвания женщины.

Исчезновение традиционного разделения труда и "семейной зарплаты" ознаменовалось появлением "двухкарьерных" супружеских пар с двойным заработком - это исторически фундаментальный факт. Распространение женской занятости вызвано не только материальными затруднениями семей, но также и стремлением к финансовой безопасности, поскольку хрупкий институт брака перестает быть залогом благополучия личности. В статье под выразительным названием "Семья, которая не самовоспроизводится" Н. Кейфиц сравнивает ставшее малопривлекательным материнство с притягательностью профессий, к которым женщины получили доступ в современном обществе².

Естественная связь, казалось бы, существовавшая между браком, сексуальностью и деторождением, из-за краха семейных ценностей и норм ослабла, если не разорвалась вовсе. Этому способствует появление технологий, имеющих целью предупреждение зачатия (контрацепция), а также искусственно генерирующих жизнь. Имеются в виду искусственное оплодотворение, развитие эмбриона в лабораторных условиях, трансферт вне организма спермы и материнской яйцеклетки, институт суррогатных матерей. Передача деторождения в репродуктивные лаборатории и пересмотр взглядов на материнство и отцовство подтачивают остатки моральной поддержки биологического родительства и моногамного брака как социального института. Возможность иметь ребенка без сексуальных отношений не меньше ослабляет семью и родственные узы, чем возможность вступать в сексуальные отношения без риска зачатия и родов.

Вышесказанное подтверждает, что семья оказалась точкой пересечения сил, подтолкнувших столетнее снижение рождаемости. Поэтому сегодня положение семьи в обществе требует пристального внимания. С одной стороны, сужение сети родства как следствие низкой рождаемости затрудняет передачу семейных ценностей и ознакомление детей с родительскими функциями. Разводящиеся и заново созданные семьи приводят к перерывам в ходе социализации ребенка. С другой стороны, уменьшение родственных контактов ребенка и его усечения, сегментарная социализация при достижении взрослости не вызывают приобщения к родительским ролям, стремления стать отцом-матерью. Таким образом замыкается причинный круг низкой рождаемости.

В эволюционной перспективе низкая рождаемость оказывается результатом возникающей вместе с индустриализацией идеологии индивидуализма. Дальнейшее снижение рождаемости поддерживается ее собственной динамикой, на которую влияет большое число факторов, усиливающих друг друга в воздействии на ограничение числа детей. Существуют ли границы снижению рождаемости? Ничто не предвещает его остановки. Пришла пора расстаться со спасительной идеей о том, что порог простого замещения поколений является тем магическим барьером, ниже которого уровень рождаемости не спустится, а коэффициенты рождаемости лишь будут колебаться вокруг этой "оси надежды". Со скоростью эпидемии низкая рождаемость завоевала все развитые общества и предстает теперь как их эндемическое состояние.

Возникает вопрос - что можно сделать? Если речь идет о повороте тенденций вспять, то немного. Эволюционистская перспектива несет в себе пессимизм, граничащий с фатализмом. При этом остается надежда только лишь на смягчение отрицательных воздействий стагнации и старения путем социальной и институциональной адаптации.

Литература пессимистического оттенка в наши дни быстро распространяется, в ней много написано об эрозии фундаментальных ценностей, создавших величие капитализма. Отказ от пуританизма и протестантской этики оставил капитализм без морального фундамента. Соревновательный и производительный индивидуализм, который был характерен для пионеров капитализма, выролдился в гонку за счастьем, которая

заводит в тупик нарциссовых забот о себе самом. Можно лишь сожалеть о распаде социального единства и социального капитала, при котором поиск источников облепления и жизненных сил оборачивается обнаружением саморазрушительных элементов, объявляемых внутренними противоречиями капитализма³.

С другой стороны, поиски равенства в социальной сфере (в ущерб свободе) и путей принудительного распределения в экономической сфере (в ущерб производительности) значатся среди парадоксов нашего общества⁴. В кризисе современного капитализма сегодня видят отражение общего кризиса западной цивилизации, и этим все сказано.

Покинем теперь дарвиновский мир, управляемый неотвратимыми законами эволюции, ведущими к социальной энтропии, чтобы войти в ньютоновский мир законов, способных привести к равновесию социальных сил.

Перспектива саморегуляции

Можно нарисовать более радужную картину мира, чем неумолимость эволюционного процесса. Достаточно обратиться к экономической доктрине и либеральной политике "laissez faire", которая со времен Адама Смита главенствовала в гражданском мышлении Запада. Это мир, в котором "невидимая рука" природы через созидательные силы рынка берет на себя продвижение к экономическому (и социальному) равновесию множества частных интересов без вмешательства государственной власти. Вот пример - "мальтузианский демон" был спонтанно укрощен сокращением рождаемости, и таким образом была предотвращена угроза перенаселения Западной Европы. Может быть, та же невидимая рука установит некое демографическое равновесие путем возрождения необходимого уровня рождаемости без какого-либо вмешательства Государства, просто давая каждому возможность преследовать свои личные интересы? Каким образом повышение рождаемости в таком случае может произойти спонтанно?

В рамках мышления Номо economicus возможен следующий ответ. Уподобляя ребенка экономическому благу - "товару длительного пользования" и предполагая, что потребитель способен выбрать среди предложенных ему благ те, которые максимизируют степень его удовлетворенности, следует предположить, что сама "редкость" детей способствует "спросу". Вот источник роста рождаемости, с точки зрения "новой экономики домохозяйства", которая распространяет экономический анализ на социальную область (Г. Беккер является выдающимся представителем этого направления). Однако возникают сомнения, что эти экономические механизмы способны повысить рождаемость. Во-первых, недостаточно аргументов, по мнению Д. Блейк, чтобы ребенок мог быть уподоблен "товару длительного пользования", который якобы "приобретается" (а не производится - ред.) родителями⁵. Во-вторых, если даже принять логику Беккера, то равновесие спроса на детей и их предложения реализуется лишь при условии, что рыночные отношения не ограничиваются никоим образом и не "испорчены" вмешательством государственной власти, - таким, к примеру, как социальное обеспечение пожилых, которое, как отмечалось, снижает интерес родителей к рождению детей.

При социологическом подходе также можно найти надежду на само собой образующееся повышение рождаемости. Достаточно предположить, что в социальном мире действуют циклические процессы, "приливы и отливы", которые, вызвав период низкой рождаемости и ослабления семейных ценностей, сменяются затем периодом семейного обновления. При этом предполагается, что изменения в культуре, ценностях и нормах предшествуют изменениям в системе социального действия. В действительности же целый ряд социокультурных инноваций, как бы предрекавших переделом тенденций рождаемости, сопровождал, если не превосходил падение (а не подъем) рождаемости в шестидесятые годы. Это была эпоха "контр-культуры", сексуальной революции, радикального феминизма, воинствующего экологизма, полити-

ческого радикализма и разного рода идеологий протеста. В последнее время заявляет о себе реакция на идеологические преувеличения этой эпохи. На первый план в политических дебатах выходят другие ценности, но среди них пока не удается различить даже скромные признаки семейного обновления - возвращения к более стабильному браку, к подъему брачной рождаемости.

Наконец, с точки зрения экологической можно доказать, что демографический упадок остановится рано или поздно, уступив место равновесию между населением и окружающей средой. После того, как "новый" технологический прогресс внесет изменения в соотношение "население-окружающая среда", демографическая стагнация может смениться ростом. Однако и здесь реальность бросает вызов очередной теоретической модели. Об этом свидетельствуют негативные последствия головокружительного роста крупных метрополий.

Вообще говоря, снижение численности населения плохо приспособляется к требованиям муниципального управления. К сожалению, тревожные голоса по поводу тенденций населения начинают раздаваться лишь после того, как из-за недостатка учеников закрываются школы, или из-за отсутствия поступлений от налогов прекращается социальное обеспечение.

В противовес эволюционной перспективе, подход саморегулирования пронизан оптимизмом; долгосрочные изменения ведут к прогрессу, несмотря на трудности переходного характера, свойственные любому адаптационному процессу. Насколько реалистично такое видение будущего? Если механизмы свободного рынка посредством смены циклов конъюнктуры действительно способны к спонтанному приспособлению (сочетающемуся с экономическим равновесием) несмотря на сопутствующие этому процессу отклонения⁶, то можно ли эти механизмы перенести в социальную и демографическую сферы? Специалисты в этом сомневаются⁷, особенно в том, что "невидимая рука" может разрешить противоречия между индивидуальными и коллективными интересами. В самой природе индивидуалистического общества, на котором основано понятие равновесия рынка, заложен тот факт, что индивидам не удается принять потребности общества. Индивидуализм как необходимое условие рыночного равновесия является в то же время условием, затрудняющим демографическое равновесие. По-видимому, отсутствие равновесия присуще современным обществам, которые одновременно динамичны в социальном и экономическом плане и отличаются стагнацией в демографической сфере. В подобной ситуации нужны определенные действия общества для достижения равновесия или, по крайней мере, сокращения разрыва между индивидуальными и коллективными интересами.

Перспектива свободы выбора

Она исходит из способности общества изменять свою судьбу: самосохранение не может быть оставлено на волю случая или так называемого естественного закона. Эта интеллектуальная ориентация вдохновлена социальной доктриной, которая понимает главенство воли и действия в формировании будущего и проповедует усиление роли государства в воздействии на социальную сферу.

Такая позиция вызывает дискуссии. По словам одних, история, независимо от того, линейна она или циклична, следует своим путем согласно некоторой диалектической логике, детерминированной взаимодействием различных сил: материальных, подобно способу производства (Маркс), или духовных (Гегель), при этом исторические личности оказываются всего лишь марионетками этих сил. Не является ли технический и материальный прогресс в основе своей процессом отбора по типу дарвиновского, результатом которого может быть прогрессивное улучшение, либо эволюция по бергсоновскому типу? По мнению других, история, если она не лишена определенного порядка, проявляющегося в долгосрочной перспективе, несет на себе отпечаток действий великих личностей. "История есть квинтэссенция огромного числа биографий", - говорил Т. Карлейл.

Задаться целью разрешить этот старый спор - означает потерпеть поражение в тупике метафизических дискуссий. Что касается меня, я предпочитаю промежуточную позицию, которую американский социолог Р. Мертон называет "социологическими теориями среднего уровня"⁸. В рамках прагматического подхода становится ясной роль многочисленных воздействий власти на социальную сферу как в тоталитарном, так и в либеральном обществах, даже если особенности такого вмешательства различаются. Они могут в некоторых случаях быть бесспорно удачными, в других - заканчиваться достойным сожаления провалом. Они могут вестись с согласия народа или против его воли, под влиянием утопических идей или с реалистическими целями. Безусловно, эти воздействия представляют собой часть политического пейзажа современных государств. Политика единственного ребенка в Китае, например, даже если учесть жесткость принимаемых мер, тем не менее есть своего рода успех государственного вмешательства в демографическую сферу в стране с очень сильными семейными традициями. С другой стороны, государство всеобщего благоденствия, несмотря на некоторые внутренние противоречия, о которых говорилось выше, остается восхитительной конструкцией социальной инженерии либерального толка. В особенности это относится к национальным системам здравоохранения и государственного образования, где правомерность государственного воздействия вначале вызвала протест, но, в конце концов, снискала одобрение граждан.

Что касается семейной пронаталистской политики, ведущейся некоторыми демократическими (и не демократическими) государствами, то оценка ее эффективности, хотя и включает отдельные позитивные элементы, в совокупности будет скорее отрицательной. Нельзя говорить о разрозненных мерах как целостной семейной политике, рассчитанной на долгосрочную перспективу, и тем более нельзя оценить эффективность использования финансовых ресурсов, т.к. нет каких-нибудь значимых результатов.

Попытка обобщения

Мне хотелось бы в этой части статьи сблизить три изложенные выше перспективы, показать, что они противоречат друг другу только в том случае, если их логика доведена до крайности, и что реальная жизнь полна того, что мы можем назвать "компромиссами". Часто вопрос заключается в пропорциях, в дозировании.

Имея в виду эволюционную перспективу, выделю две возможные "меры" для противодействия сложившимся тенденциям демографического старения и его темпов и для минимизации их последствий. Одна касается управления и мобилизации национальных человеческих ресурсов, другая - иммиграции.

Что касается первой, то по сути мы должны научиться мудро и бережливо управлять хотя и постаревшими, но дефицитными человеческими ресурсами. Для этого существует множество рецептов, тем не менее не следует восхвалять либо идеализировать наше стареющее общество. В старении трудно найти экономическое спасение, и еще менее - средство для выживания цивилизации.

Это приводит нас к рассмотрению иммиграции в качестве механизма, могущего восполнить состарившуюся и дефицитную демографическую структуру развитых обществ. Именно этот механизм был заимствован *volens nolens* западными странами и их заморскими территориями. Спрос на рабочую силу в течение экономического бума 60-х гг. создал армию не вернувшихся домой гастарбайтеров. После того, как экспансия сменилась экономическим спадом, они увеличили ряды безработных (или находящихся на государственном обеспечении - часто без прав гражданства, несмотря на долгие годы проживания в данной стране). С тех пор иммиграционные волны не прекратились и даже интенсифицировались, тогда как экономика не могла более поглощать вновь прибывающих. Система социальной защиты работала на пределе сил, и в ряде стран правительства под давлением общественного мнения борются, но, увы,

безрезультатно, за контроль над иммиграцией, ставшей практически "дикой". Вследствие этого национализм как реальный, так и воображаемый, поддерживаемый искусственно, начинает играть главную роль в спектакле, который ежедневно с неистовством разыгрывается средствами массовой информации.

Нет другого вопроса, кроме иммиграции, который возбуждал бы столько страстей и провоцировал поляризацию общественного мнения. Миграция, без сомнения, внесла свой вклад в генетическое "скрещивание" и культурное "оплодотворение" населения, ее экономический вклад оценивается в общем благоприятно. Тем не менее, в последнее время наблюдается ужесточение общественного мнения по отношению к иммиграции, и не только к подпольной. Ф. Фукуяма, автор знаменитой книги "Конец истории и последний человек"⁹, опасается, что массовая иммиграция из бедных стран в богатые, которой практически невозможно сопротивляться, может стать для богатых стран источником внутреннего и внешнего напряжения¹⁰. Американец Соуэлл в своей последней работе "Миграция и культура", оценивая достоинства и недостатки мировой иммиграции в исторической перспективе, считает, что отныне экономические преимущества иммиграции уменьшаются, а ее социальные издержки растут. В эпоху электронной коммуникации know how может передаваться быстро и с небольшими затратами, без каких-либо перемещений на большие расстояния человеческих масс - носителей знаний. Эти знания к тому же уменьшаются по причине изменения самих иммигрантов в наши дни. В то же время сочетание мер, легализующих иммиграцию, со льготами для иностранцев, желающих оставаться в статусе иностранцев, таит в себе потенциально взрывоопасные конфликты¹¹.

С моей точки зрения, при определении последствий иммиграции внимание должно быть обращено на два вопроса. Первый касается демографического и экологического равновесия, второй - этнической структуры, или, в конечном счете, национальной идентичности страны. Скажем откровенно: прекращение всякой миграции невозможно и нежелательно в любом открытом обществе. Легитимные беженцы должны найти приют, хотя бы временный. Проблема заключается скорее в политической воле государства, направленной на реализацию своих законных и суверенных прав в области международной иммиграции. Речь идет о контроле за размахом и ритмом иммиграции и, по возможности, о создании условий для демографического и экологического равновесия, постулируемого в теории саморегуляции.

Что касается влияния иммиграции на национальный состав страны, то от этого вопроса часто стараются уклониться из-за политической стыдливости, которую можно было бы, видимо, простить, если бы ее, последствия не были такими тяжелыми. Совершенно очевидно, что если миграция продолжается в больших масштабах в стране, где коренное население не воспроизводится, то это приведет к глубокой модификации этнической структуры, а также в отдаленной перспективе может поставить под угрозу национальную идентичность страны. Расчеты, сделанные для Канады¹² и некоторых западных стран, показывают, с какой быстротой осуществляется этнокультурная реструктуризация страны под тройным воздействием числа иммигрантов, их повышенной рождаемости и убыли коренного населения из-за хронически низкой рождаемости. "Будущее того общества, которое обрекает себя на низкую рождаемость, неминуемо начинает определяться иммигрантами", - заключает М. Термот в исследовании, посвященном демографическим тенденциям в Канаде¹³.

Любое демографическое обновление происходит через семью. Семья, в особенности моногамная, остается единственным институтом, способным обеспечить наилучшим образом рождение и социализацию детей, т.е. гармонию между воспроизводством населения и общества. Человечество еще не нашло в этом достойной замены семье. Потрясенная до фундаментальных основ, обесцененная и раздробленная на части, она как социальный институт оказалась в кризисе. Семью нельзя укрепить ни административными мерами (запретами аборт и разводов), ни предвыборными лозунгами и пронаталистскими призывами. Усилия по обновлению семьи

должны предприниматься одновременно на разных фронтах - законодательном, социальном и экономическом. Семейный кодекс, представляющий до сих пор смесь из разрозненных законодательных инициатив, требует полной переделки вместе со всей системой налогообложения.

Семья стремится к признанию своих прав, но ей в этом часто отказывают во имя всеобщих прав человека и ради уравнивания с семьей всех типов брака, в том числе псевдосупружеских. Чтобы институциональная и материальная поддержка семьи стала эффективной, она должна быть многообразной по формам. Необходимы инвестиции в то, что экономисты называют "человеческим капиталом", - в здоровье и образование детей. Они должны облегчить совмещение семейно-родственных и профессиональных ролей, что, в свою очередь, станет средством для выравнивания доходов мужчин и женщин. Причем, законодательно женщины должны получать компенсации за невозможность зарабатывать или за демографические "издержки" в связи с материнством. Другими словами, чтобы семейная политика была принята общественным мнением и имела шанс на удачу, она должна осуществляться одновременно во имя социального равенства (полов), экономической рациональности (человеческий капитал), демографической эффективности (воспроизводство населения). Таким образом, речь идет о возвращении семье ее главной социальной функции возобновления поколений и социализации потомства.

В настоящее время женщины имеют возможность добиться социального успеха вне материнства, поэтому общество должно взять на себя задачу превращения материнства в притягательную для женщин профессию. Функции матери должны быть одновременно весьма уважаемыми и щедро вознаграждаемыми. "Ее статус должен быть таким же важным, как статус, к примеру, профессора, мэра или летчика, и включать соответствующую заработную плату"¹⁴.

Я вижу, что эти предложения способны растрогать одних и вызвать иронические улыбки у других, в частности - у экономистов. Не является ли эта позиция возвратом к прошлому, к "рабству материнства" и домострою? Способна ли экономика, утомленная огромным бюджетным дефицитом, хроническим и структурным, выдержать дорогостоящий проект материнства? В ответ на первый вопрос можно было бы возразить: не предлагает ли подобный проект, напротив, многим женщинам (и, может быть, некоторым мужчинам) подлинный выбор, которого они сегодня лишены из-за экономических ограничений? Что касается второго вопроса, то здесь необходимо рассматривать ситуацию в перспективе. Менее чем сто лет назад общество было не в состоянии оплатить себе "люкс" народного образования и в еще меньшей степени - всеобщей медицины. Сегодня эти две статьи общественных расходов составляют львиную долю национального бюджета. В будущем мы бы могли рассчитывать на потенциал доходов, предлагаемых технологическим прогрессом, - доходов от трансфертов "ноу-хау" и свободных коммерческих обменов в мировом масштабе. В этих расчетах можно также учесть потенциальное сокращение военных расходов, не подвергающее риску национальную безопасность. К этому следует добавить экономию на статьях огромных расходов, связанных с репрессивным и пенитенциарным аппаратом. Эти расходы обусловлены ростом всякого рода социальных отклонений, вызванных в свою очередь дезинтеграцией семьи и ослаблением ее роли в социализации детей.

В конечном счете, финансирование этого проекта предполагает фундаментальную переоценку критериев распределения национального продукта, а также пересмотр приоритетов национального бюджета. Это произойдет, когда общество осознает кризис своего демографического положения и требования, предъявляемые тем состоянием, которое выше было названо демографической зрелостью¹⁵.

Самая большая трудность, связанная с проектом материнства, лежит не в области финансирования, а в сфере ценностных ориентаций. Действия и мысли, индивидуальные и коллективные, испытывают влияние не только действительных ограничений, но в еще большей степени находятся под воздействием определенного видения

мира или того, что хотелось бы назвать рамками менталитета, доминирующего в данную эпоху. В науке оперируют обычно в границах, которые Т. Кун называет научной парадигмой. То же самое относится к политическим акциям и взглядам. Они также подчиняются определенным правилам, этническим предписаниям, верованиям, мифам, - короче, тому, что можно назвать "духом" времени. Если конкистадор Э. Кортес с легкостью подчинил себе империю ацтеков, то это удалось ему не благодаря героизму четырех сотен его спутников, вооруженных карабинами и сопровождаемых собаками. Причина - в замешательстве, параличе действия, к которому стиль мышления приговорил ацтеков перед лицом удивительного для них события - появления странных всадников. Вместо того, чтобы мобилизовать силы на отпор завоевателям, ацтеки стали умножать число человеческих жертвоприношений, веря, что это принесет им победу. Современный человек, не меньше, чем в прошлом, имеет свои мифы и табу. Для ученого, как и для политика, также необходимы особое усилие, большая смелость, революционное действие, чтобы выйти за пределы установившихся правил познания.

Современное демографическое мышление находится во власти фундаментальных противоречий, связанных соответственно с однонаправленным или плюралистическим видением мира. Одни считают, что мир эволюционирует в сторону единого и однородного общества, следовательно, "озападнение" является только вопросом времени. У других мир наполнен различными культурами и традициями, сформировавшимися под влиянием истории каждого народа. Если где-то к середине XXI века будет достигнута определенная конвергенция в связи с повсеместным снижением рождаемости в мире, то было бы политически опрометчиво сейчас игнорировать разнообразие в демографической картине мира, которое может иметь длительные геополитические последствия в региональном или мировом масштабе.

Другое противоречие касается того, чему отдается предпочтение - индивидуальному или общественному. Тенденции к индивидуализации практически доминируют в западной цивилизации и принимают крайние формы. Восточная цивилизация сопротивляется индивидуализму, и пока еще рано говорить о развязке в противостоянии двух концепций. У этой "игры", тем не менее, есть последствия. Безмерное усиление индивидуализма ведет к атомизированному обществу, состоящему из индивидов, лишенных общественных привязанностей и ведомых эфемерными материальными интересами, что связано с отступлением социального на второй план и с таким обострением социальных проблем, которое может толкнуть к тоталитаризму. Поскольку множество злоупотреблений было совершено во имя "политики населения", само использование этого понятия стало плохим тоном в либеральном обществе. Но тем не менее для стадии демографической зрелости в наибольшей степени характерно требование проведения политики населения, которая вдохновляется в равной мере как национальным, так и общемировым интересом, а также индивидуальными ориентациями и ценностями сообщества, с которым индивид мог бы себя идентифицировать.

Неминуемым следствием старения населения, достигших демографической зрелости, является убыль их численности. Катастрофа ли это? Не всегда. Сокращение числа жителей страны может, как известно, в определенных обстоятельствах оправдываться экологическими доводами, например, охраной равновесия экосистемы. Однако эта ситуация превращается в катастрофу, если кривая снижения численности населения постоянно будет иметь форму экспоненты. Реальность такой тенденции обнаруживает сама общественная логика развитых стран. Не обращая внимания на тенденцию к убыли населения, можно обострить положение дел, что и было показано выше при рассмотрении эволюционной перспективы. Массовая иммиграция как возможный паллиатив, конечно, не является лекарством в этой ситуации. Если она не

связана с притоком молодых возрастов, то вряд ли будет способствовать омоложению населения, - в чем убеждают имитационные модели¹⁶.

Таким образом, вместе с сильной политикой поощрения "третьего возраста" должна идти не менее сильная политика укрепления семьи. Она должна обеспечить приток детей, необходимый для поддержания численного равновесия между поколениями, выступить в качестве "клапана оживления" демографической зрелости. С учетом негативных тенденций воспроизводства населения в развитых обществах число детей даже в условиях оказания поддержки семье окажется существенно ниже необходимого. Важная составляющая семейной политики в связи с этим будет заключаться в том, чтобы обеспечить "качество" новых поколений путем адекватных инвестиций в профессиональную подготовку. Молодежь должна овладеть точными технологиями для обеспечения высокой производительности, которая позволит выдержать двойную нагрузку, обусловленную высокой долей стариков и реализацией семейных программ. Социальное волеизъявление соединяется здесь с социальным детерминизмом. Судьба западных обществ на их протеевом пути к новым горизонтам поставлена на карту прежде всего в демографическом плане.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Galbraiths J. K. The Affluent Society. Boston, Houghton Mifflin, 1976.

² Keyfitz Nathan. The Family that Does Not Reproduce Itself // Population and Development Review. 1986. A Supplement to 12. P. 139-154.

³ Perrin Robert G. The Dynamics and Dialectics of Capitalism // The Journal of Libertarian Studies. 1981. Vol. V. № 2. P. 211-236.

⁴ Hirsh Fred. Social Limits to Growth. Cambridge Harvard University Press, 1977.

⁵ Blake Judith. Are Babies Consumer Durables? A critique of the Economic Theory of Reproductive Motivation // Population Studies. 1968. Vol. 22. P. 5-25.

⁶ Dupriez H. Leon. Philosophie des conjonctures economiques. Institut de recherches economiques et sociales de l'Universite de Louvain, Paris, 1959.

⁷ Demeny Paul. Population and Invisible Hand // Demography. 1986. Vol. 23. № 4. P. 473-487.

⁸ Merton K. Robert. On Theoretical Sociology. London: The Macmillan Co., 1967.

⁹ Fukuyama Francis. La fin de l'histoire et le dernier homme. Flammarion, 1992.

¹⁰ Вполне вероятно, что иммиграция во всем мире упростится. Но ничто не позволяет надеяться, что экономическое неравенство между Севером и Югом исчезнет в обозримом будущем или что демократизация быстро завоеует оставшуюся часть мира. Политические потрясения, которые производят массовые волны беженцев по направлению к богатым странам, всегда возможны. Гонконг, Восточная Европа, страны Магриба, Мексика. Южная Африка - потенциальные очаги экономической и политической нестабильности. И что же можно сказать, если Китай откроет двери для эмиграции?

¹¹ Sowell Thomas. Migration and Cultures, A Word View. N.Y.: Basic Books, 1996.

¹² Недавний прогноз, представленный в "Statistics Canada, 1996", предсказывает в будущем очень быстрый рост так называемых "видимых" меньшинств. Их численность возрастет от 2,7 млн. в 1991 г. до 7-7,5 млн. в 2016 г., т.е. до той численности, которой достиг Квебек за 4 столетия. Через два десятилетия эти "меньшинства" могут оказаться большинством в таких городах, как Торонто, Ванкувер, Монреаль. Насколько мне известно, Канада является единственной страной, политика которой направлена на использование иммиграции для восполнения демографического дефицита, а также для обеспечения роста численности населения на уровне 1% в год. Ясно, что с такой скоростью, с какой пошли дела, характер страны (который можно определить как "две нации - основатели единства коренных жителей") останется только в истории. Совсем другое общество возникает на наших глазах.

¹³ Termote Marc. Tendances demolinguistiques au Canada et implications politiques, vers le XXI siecle. Ottawa, 1995. P. 161-172.

¹⁴ Toyn bee Arnold et Daesaku Ikeda. Choisir la vie. Paris, Albert Michel. 1981.

¹⁵ Вопрос о домашней работе, к примеру, будет включен в перепись населения Канады в 2001 г. Таким образом, вполне возможно, что домашняя работа станет предметом национальных счетов. Италия уже сегодня создает систему пенсионного обеспечения для домохозяек.

¹⁶ Ledent J. L'impact de l'immigration internationale sur revolution demographique du Quebec. Montreal. INRS-Urbanisation, Collection Studes et Recherches, 1993. № 8.